

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

КРУГОВОЗОР 6/89

ПО БУДУЩЕ
ШКОЛА
БУДУЩЕГО

Как комсомолец победил Ю. Бондарева
Правда о сталинских репрессиях
Трудная одиссея педагога М. Щетинина
«Афганцы» среди нас
А. Пушкин: «Хочу воспеть свободу...»
Анна Ахматова. Редкие записи.

СПУШАЙТЕ В НИЖЕРЕ:

Оффенбах приглашает в оперетту
Суровым слогом Владимира Высоцкого
Е. Герасимова — московская Сабрина
В дискотеке — рок-н-ролл
«Юртимкс» — лидер английского рока
Новый виток «Сан-Ремо-89»

ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ

Олег Чухонцев блистал в середине шестидесятых яркими публикациями, но преувеличенная тень его, войника уже определила его самого, заступила путь, как сказано в «Слове о полку...», и оподарила жидкие паровые книги. Однако это не изменило натуру поэта, не озлобило благородный ум и веселый точный взгляд. Италетинская муза Олега Чухонцева в лучшем смысле этого слова провинциальна, чиста и по-детски восторженна. Он пришел оттуда, где «жиют на огородах», где «в дубовой кадудке болтается заплесневевший огурец». Где утром в городе и на душе свежо, как в поле! Он знает время, когда «свобода непосильна», он уже сказал свое произительное слово любви: «Родина! Свет тусклых полей, омут речной да излучина, ржанчина края, дрожь проводов... Гром ли гремит? Грои ли несут? Грои ли висят над просторами?»

Он уже продолжил родную дрожь своей драмкой, стиха «Слова» — своими стихами, он уже — Олег Чухонцев, а все остальное — дело времени и совести. И сегодня, избегая славы, он не позволяет себе перейти невидимый предел поэзии, за которым — многоголосая вседоходность. Интуиция ведет его по краю поэзии и культуры. Однжды в юности он сказал: «Не я в лесу, а лес во мне». Это же самое он может сказать и о своей поэзии.

Полгода и вел рубрику «Дебютанты шестидесятых», а теперь переделано «векло» иподарено поэту Александру Лаврину. Это естественно, ведь им предстоит звать дальние. А читателю будет интересно увидеть дебютантов шестидесятых глазами поэта совсем другого — нового поколения.

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

Фото Н. КОЧЕВА

Что мы шумим, что мы звенит
даже рано пред зорями.

(«Слово о полку Игореве»)

Зычный голос, ветер в лицо,
грохот колес нарастающий.
Вот и погас красный фомарь —
иность, курящийся вагон.

Вот и опять вдох тишины
встает над ранью светящейей,
и на пути с черных ветвей
сыплется гомон ворон.

Родина! Свет тусклых полей,
омут речной да излучина,
ржанчина края, дрожь проводов,
роют бляки под мостом.

— кажется, все, что улеглось,
талой водой избалачуемо,
асфальдо со дня и повеселось,
чтоб отстояться потом.

Это весна все подвала,
все потопила и вздыбила —
бестолку дней,

мелочь надежд —
и показала тишету.

Что ж я стою, оторопев?

Или нет лучшего выбора,
чем этот край, где от дуги
вком несет за версту?

Гром ли гремит?

Грои ли несут?

Грои ли висит

над просторами?
Что ворожат над головой
неутомимый гаджек?

Что мне шумит, что мне звенит
вдали рано пред зорями?
За семь веков не оладеть!

Как же за жизнь разберешь?
Но я в тиште благодарю,

жизнь, за надежду угроуюю,
за неусеп и за пример
ла не держать за душу.

Поезд ли жду или глажу
с васын — я уже думаю,
что и меня кто-нибудь ждет,

кто-то и я не чужой.

■
Незостоящая погода —
то заморозки, то жара —
как несостоящая свобода
меня преследует с утра.

И то сказать: ложусь я поздно,
встаю с тяжелой головой
и грустно слушаю, как грозно
гремит прибор береговой.

И грустно думаю... Когда-то,
возможно, что еще вчера,
роста росла... Теперь опять
растут на мне среда двора.

К чему бы эта чертовщина?
К разладу? К осени? К зиме?
Еще не умер — голдовщина
со дня кончины на уме.

И на душе темно от мути,
и смутно помнится мечта
вдремнуть в брезвечном уюте
на печке, теплой от котла.

Куда хитил? Чинювник бедный,
я круту своих чиновных дел
томновым скукой кабинетной,
запечных сказок захотел?

Так вот она, твою морозка,
твою дорога, дуралей!
ица, как говорится, бога
в себе самом, да слезы лей,

да простодушно жди у моря
погоды с первым комаром,
да мыкая счастье или горе
с терпеньем, равно и с добром.

А если дождь без перелышки,
то кто же в этом виноват?
Едва забудешься — все цинки
тебе на голову летят.

ОГУРЦЫ

У нас живут на огородах,
Наш первый праздник —

первый сбор.

Как бы на торжище природы,
таксают оници на двор.

Как будто куряца-несушка
кудхачет по двору с яйцом,
гремит дубовая кадудка
с заплесневевшим огурцом.

Не знатку честь в затылке,
не дело за, числется знатоком,
бакушим бить, когда в шарике
спивают плесень кияплатком?

И вот сосед снимает кителя,
фуражку вешает на гвоздь.
Он, огородник и любитель,
почувл страсть и даже злость.

О, как ему осточертело —
дежурка... Гражданин... Народ...
Вот огурцы — другое дело —
деревня... Детство... Огород...

Солн, солн, пока не поздно,
смуражу душу отводи,
глядн не грешно, я серьезно
и даже весело гляди.

Чтобы никто не взял на цунку
ни за понюшку табака,
солн да камень на кадудку
кладн — тяжелый, как судьба!

■
Река тменет в белых берегах,
Пронесся эсдоход исторюцино,
и тишина зыбуция в дугах
стоит неведн за две до разлива.
Я что-то потерял. Но что и где?
.....
И колесо колеблется в воде.

■
С чем пронесется?
С судьбой и дорогой?
Нет, пожалуй,

с дорогой одной —
с той проселочной, пыльной,
широкой,
полевой, затравенной, лесной.

Ничего-то и не было, кроме
этой дальноволной тиги колес,
в небо вымпелной на взродроме
или вылетевшей под откос.

А судьба — это мера яная:
как востеп, не свет в терему,
не бедномая лесня лочивая,
не слова про суму и тюрьму.

Нет, судьба-несудьба пощадила,
а дорога — дорога была,
чтобы горше дупна возлюбила
все, что даром у жизни взяла.

И когда ты в тиште колючегой
ляжешь, тихий,
на стол раскладной,
с чем останешься?

Только с дорогой —
самой долгой, последней,
родной...

ВЫЖИВАЮТ
ВЫСТАВЛЯЮТ

На крутом переломе перестройки общеобразовательной и профессиональной школы особенно глубоко осознаешь, сколь ответственна и серьезна роль светского учителя. Лучших из них отличают творческий поиск, стремление строить обучение работ на основе гуманизации, научить школьников мыслить нестандартно, различать у них широкий кругозор, всеумное желание к познанию, воспитать в каждом настоящего гражданина.

Но нельзя не подчеркнуть, что огромную помощь всему учительству оказывают новаторы педагогического труда, которые идут непроторенными путями. Передо отделы рекомендаций новаторов подвергнутся критике. Но в том-то и суть новаторства, что оно вызывает в работе с детьми множество новых подходов, будит мысль у каждого воспитанного в школе и ПТУ.

А. В. БАРАННИКОВ,
член коллегии Министерства
народного образования РСФСР
Фото А. ЛИДОВА

ПРОБЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

В этом человеке, видимо, генетически заложено влечение к поиску, к эксперименту. А вместе с этим и какие-то просто надежные силы, помогающие сопротивляться, не падать духом, выстоять в ожесточенной борьбе с теми, для кого любые новшества — это реальная угроза благополучию, такому удобному и привычному, «приятному во всех отношениях» креслу.

О жизни и каждодневных трудах Михаила Петровича Щетинина, педагога-новатора, ныне директора школы в станице Азовская Краснодарского края, можно писать тома. Это стало бы и романтической повестью о беспредельной любви к детям, и детективом с хитро закрученными интригами вокруг него, взлетами и «падениями» нашего героя.

1974 год. Первый эксперимент Щетинина в Яснозерской школе на Белгородщине — воспитание всесторонне развитой гармоничной личности. Казалось бы, ничего особенного. Разве перед нашей школой не стояла всегда подобная задача? Да, конечно! Но только на словах. Ведь школа — это зеркало общества, в котором отражаются все его черты. Сколько произнесено было красивых слов о лучшей в мире школе, сколько прозвучало

призывов к высоким и светлым идеалам! А на деле? Всяческое подавление индивидуальности, сознательное и планомерное воспитание «винтиков», «шпунтиков», которые в будущем станут обезличенными и покорными исполнителями указаний сверху.

Возможно, и разрешили в ту пору Щетинину его первый эксперимент потому, что цель его была простой и понятной для всех. Не думали, вероятно, не гадали, что он предпримет попытку на самом деле воспитывать гармонично развитого, самостоятельного человека.

Эта была в «Ясных зорях» через четыре года после начала эксперимента. По сей день не могу забыть увиденного. Прежде всего саму школу — красивую, уютную, чистую. Расписные узорчатые полы, инкрустации на стенах, подделки из соломы. И все это сотворено руками сельских ребят, которые прежде и не подозревали о таких своих талантах.

Ни в одной школе до того — а поехать мне пришлось немало — не видела я столь живых, раскрепощенных детей. У них у всех светились глаза! И понятно: прежде всего они не уставали — урок длился лишь 35 минут, и после серьезного урока — обязательно — музыка, ленин, физкультура, танец. Но самое главное — каждому здесь помогли понять, что он в какой-то области способный, одаренный человек. И способности эти развивали. Так возникла вера в себя, в свои силы и возможности. И сличившая, написанные искренне, не без ошибок, правда, но от души. И победы на олимпиадах, на спортивных соревнованиях. И свет в глазах!

МИХАИЛ ЩЕТИНИН И ЕГО ШКОЛА

► То, что нам удалось сделать, — говорил тогда Михаил Петрович, — это еще такая малость... Это только один робкий шаг навстречу Детству...

Но и этого шага оказалось достаточно, чтобы эксперимент «закрыли». Почему? Много разных причин. В Минпросе, например, выдвинули и такую: нельзя платить учителям за 35-минутный урок ту же зарплату, что полагается за 45 минут. И вообще подумали, что за 10 лет у школьников отбирают целых два учебных года. «Это же ни в какие ворота не лезет!»

Целых два года... Ровно столько потом Щетинин мыкался без дела. Наконец получил школу в селе Зыбковское Кировградской области. Начал все сначала: и сколачивал коллективе учителей-единомышленников, и создавать материальную базу.

В школе, которую он хотел создать, работали не просто учителя, обучающие своему предмету, а помогающие понять, что в мире все взаимосвязано. Поэтому историк работает на литератора, литератор — на историка. И оба они — на математику, физику, химию. А те, в свою очередь, — на них. Таким образом, изучается жизнь мира в его многообразии, а не учебники по отдельным предметам. И тогда столько возможностей совершенно по-новому взглянуть на землю, на природу, на людей, на самого себя!

В Зыбкове тоже были занятия по интересам, как бы «спешколки» в школе, где ребята могли развить свои способности, углубленно заниматься делом, которое сами выбрали. Превыше всего здесь ценилась индивидуальность, неповторимость ученика.

Однако и эта школа просуществовала чуть более четырех лет. Опять одна за другой комиссии, ревизии, проверки. Всего полтора дня понадобилось приехавшим из Москвы представителям, чтобы подготовить отрицательный отзыв о работе Щетинина в «школе. И опять наवेशивание ярлыков — до чего же любят у нас это занятие! — «лжеученый», «лжеинноватор». Не исключено, что какие-то упущения и даже ошибки были и в Яснозоровской школе, и в Зыбковской. Но почему, почему надо было так жестоко, но с радостью хавать за незначительные промахи и просто не замечать явных достижений?

А ведь достижения — именно они! — лежали, как говорится, на поверхности. Они были в глазах ребят, в их сочинениях, творческих выставках, уроках, которые давали старшеклассники вместо учителей. И сколько еще доброго и важного можно было при желании заметить и отметить, да куда уж там, если машина подавления заглушена на полный ход!

Надо было быть Щетинником, чтобы и тут не «ощетиниться», не отчаяться, не послать все к чертям, не позволить себе в конце концов нормальной, спокойной жизни, а продолжать думать о новой школе. И не только думать — всеми силами добиваться ее. Ох, как это было непросто! Даже сейчас, в перестроечное уже время! В сколько-нибудь областях, районах приходится ему побывать? По тем же самым дорогам, вы обо всем договорится, а приезжает на место — отказ: кто-то успел предупредить или просто не рекомендовал доверять школу «лжеученому».

И сегодня Щетинин не устраивает очень много. Кто же они, эти «домогие»? Если бы одни только обладатели должностных кресел! На прошедшем в конце прошлого года Всесоюзном съезде работников народного образова-

ния почти половина делегатов назвали главными факторами торможения перестройки образования безответственность и лень. Кого бы вы думали? Детей. Да, да, детей! И это делегаты съезда! А сколько их еще, не делегатов, с истовой убежденностью, что виновата не педагогическая система, а школьники...

К счастью, сейчас у Щетинина совсем иные условия работы. Школу в станции Азоской взяли под свое крыло Госкомитет СССР по народному образованию и Министерство народного образования РСФСР. И название школы дали весьма солидное — Центр комплексного формирования личности детей и подростков Госкомитета СССР по народному образованию. Генеральный директор нового Центра Михаил Петрович Щетинин подчинен теперь только Госкомитету, а не ведомственным учреждениям. Щетинину дано право самому (естественно, вместе с педагогическим советом) утверждать учебные планы, определять число часов, отведенных на те или иные предметы. В общем, прав у генерального директора теперь много.

Поэтому и столько нового уже утвердилось в Азоской школе! Клавес нет. Есть 2 ступени: первый — пятый и шестой — десятый классы. Ребята изучают весь курс средней школы не по кусочкам, а как систему. Домашние задания отменены. Зато можно углубленно изучать физику, математику, историю, литературу на так называемых кафедрах. В школе введены новые предметы: педагогика и психология. Каждого ученика готовят здесь и для педагогической работы в той области знаний, в которой он идет впереди других. А в недалеком будущем, надеемся, появятся в Центре спортивно-оздоровительный комплекс, детский дом семейного типа, агропромышленный производственный комбинат и многое другое.

И все-таки даже сейчас не знает Щетинин покоя. Академия педагогических наук оружила не сложила. В подведомственных академии журналах «Педагогика» и «Народное образование» продолжается методическое оживление новатора. Впрочем, академия всячески тормозит и эксперимент А. Н. Тубельского — директора 734-й московской школы, который работает по методике М. П. Щетинина. «Что это у него за программа?» — вопрошают в академии. — Надо кому-нибудь поручить научное руководство... И снова проверки. Вызывают ректор, расспрашивают, например, о том, чем кормили их летом в лагере. Вдруг да откроется какая-нибудь промашка — все дело под угрозой! И все это вместо поддержки тех, кто, может, кто может вывести нашу школу из тупика...

Недавно в одном из журналов я прочитала о работе, которая проводится в Болгарии лабораторией академика Сеидрова. Пока далеко не все там ладиится. Во многих школах эксперимент, как выражаются сами ученые, «не идет». Однако Сеидрову не приходится тратить нервы и время на то, чтобы отбиваться от злобных оппонентов. Его время занято только творческой работой, раздумьями о том, что предпринять, чтобы эксперимент «пошел». Вот бы такие условия всем нашим новаторам!

3

Маргарита МОСКВОВА

От автора: Последний раз мы встретились с Михаилом Петровичем в Москве, после съезда учителей. Непростой вышел у нас разговор. Если вам интересно — послушайте третью звуковую передачу.

В 1824 году было написано: Водали книжники,

Топля пред нами вольновались,
Разоблаченные мушкет алтари,
Свободы буря подымалась,
И вадру нагрнула...

Удали в прах и в кровь,
Разбили ветские скиржали,
Явился Муж судьбы,

Рабы заткнули вновь,
Мечи да щипы зазвучали.

И горд и наг пришел Разврат,
И перед ним сердце застыло,
За власть Отечество зыблил,
За злобу продал брата брата,
Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы,
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, все стало тенью —
Все было предано презрению,
Как ветру предан должный прах.

Незавершенный пушкинский стих о французской революции: оначала — иголение умов, затем — свободы буря, гибель старого режима («Удали в прах и в кровь»); вскоре — новая несвобода; явился диктатор — («Муж судьбы») Наполеон, после чего приходит цинизм, безразличие, усталость, потеря идеалов («все было предано презрению»).

Легко понять, что Пушкин описывает не только французскую, но старается угадать и во многом угадывает будущую русскую, отечественную историю. Впереди — великое волнение умов, великая революция, з затем — новый деспотизм, заставляющий — «заткнуть рабов», и в конце концов — цинизм, усталость, застой.

Предсказывая, поэт, легко заметить, тревожатся за волюнтеры — «рекли безумцы — нет свободы», безумцы, с которыми нельзя соглашаться, ибо свобода есть, а нее надо верить, иначе незачем жить. Свобода, о которой в других, чуть позже сочиненных пушкинских стихах:

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая,

...нет — но винона ты,
В порывах буйной слезы,
В презренном бешенстве народа,
Сокрилась ты от нас;
Целебный твой осуд
Замешен пеленой кровавой:
Но ты придишь опять
Со щадящим и славою,
И вновь твои враги падут...

«Словаре языка Пушкина» фиксирует, что в сочинениях поэта слова свобода, воляность и производные от них встречаются около пятисот раз.

Свободный поэт... С детства, со школы мы знаем, что Пушкин любил свободу и боролся с «властью роковой». Да, этой свободой, направленной к избавлению окружающего мира от рабства и тирании, — ею наполнены молодые пушкинские стихи:

Хочу волею Свободу миру.
На тронах паразит порою.

Пушкин даже боялся, что молодая порча с годами пройдет, и призывает друзей торжиться: «Пока свободой горюю...»

Это первая пушкинская свобода, вдохновлявшая декабристов и следующие за ними революционные поколения. Именно за нее поэт подвергся гонениям, отправился в ссылку. Однако гениальный читатель Александр Блок уже в одном из ранних стихотворений

Пушкин и свобода личности — тема легкой закуской страсти, которую ведет литературовед И. И. Зидельман: «Я знаю одно — Пушкин при любых исторических обстоятельствах сказал бы как: «Начинайте с самих себя. Самое лучшее, что ты сможешь сделать для человечества, — это внутренне освободиться. Если ты свободен, то ты создашь правильное действие в любой ситуации».

Пушкин и свобода личности — тема легкой закуской страсти, которую ведет литературовед И. И. Зидельман: «Я знаю одно — Пушкин при любых исторических обстоятельствах сказал бы как: «Начинайте с самих себя. Самое лучшее, что ты сможешь сделать для человечества, — это внутренне освободиться. Если ты свободен, то ты создашь правильное действие в любой ситуации».

Пушкин и свобода личности — тема легкой закуской страсти, которую ведет литературовед И. И. Зидельман: «Я знаю одно — Пушкин при любых исторических обстоятельствах сказал бы как: «Начинайте с самих себя. Самое лучшее, что ты сможешь сделать для человечества, — это внутренне освободиться. Если ты свободен, то ты создашь правильное действие в любой ситуации».

Пушкин и свобода личности — тема легкой закуской страсти, которую ведет литературовед И. И. Зидельман: «Я знаю одно — Пушкин при любых исторических обстоятельствах сказал бы как: «Начинайте с самих себя. Самое лучшее, что ты сможешь сделать для человечества, — это внутренне освободиться. Если ты свободен, то ты создашь правильное действие в любой ситуации».

Пушкин и свобода личности — тема легкой закуской страсти, которую ведет литературовед И. И. Зидельман: «Я знаю одно — Пушкин при любых исторических обстоятельствах сказал бы как: «Начинайте с самих себя. Самое лучшее, что ты сможешь сделать для человечества, — это внутренне освободиться. Если ты свободен, то ты создашь правильное действие в любой ситуации».

Пушкин и свобода личности — тема легкой закуской страсти, которую ведет литературовед И. И. Зидельман: «Я знаю одно — Пушкин при любых исторических обстоятельствах сказал бы как: «Начинайте с самих себя. Самое лучшее, что ты сможешь сделать для человечества, — это внутренне освободиться. Если ты свободен, то ты создашь правильное действие в любой ситуации».

Пушкин и свобода личности — тема легкой закуской страсти, которую ведет литературовед И. И. Зидельман: «Я знаю одно — Пушкин при любых исторических обстоятельствах сказал бы как: «Начинайте с самих себя. Самое лучшее, что ты сможешь сделать для человечества, — это внутренне освободиться. Если ты свободен, то ты создашь правильное действие в любой ситуации».

Пушкин и свобода личности — тема легкой закуской страсти, которую ведет литературовед И. И. Зидельман: «Я знаю одно — Пушкин при любых исторических обстоятельствах сказал бы как: «Начинайте с самих себя. Самое лучшее, что ты сможешь сделать для человечества, — это внутренне освободиться. Если ты свободен, то ты создашь правильное действие в любой ситуации».

Пушкин и свобода личности — тема легкой закуской страсти, которую ведет литературовед И. И. Зидельман: «Я знаю одно — Пушкин при любых исторических обстоятельствах сказал бы как: «Начинайте с самих себя. Самое лучшее, что ты сможешь сделать для человечества, — это внутренне освободиться. Если ты свободен, то ты создашь правильное действие в любой ситуации».

Пушкин и свобода личности — тема легкой закуской страсти, которую ведет литературовед И. И. Зидельман: «Я знаю одно — Пушкин при любых исторических обстоятельствах сказал бы как: «Начинайте с самих себя. Самое лучшее, что ты сможешь сделать для человечества, — это внутренне освободиться. Если ты свободен, то ты создашь правильное действие в любой ситуации».

Пушкина, написанном в горячую, революционную пору, заметил строку:

Сокровно с тайною свободой.

Кроме явной, внешней, есть внутренняя, тайная...

Пройдут годы, Пушкин испытает немалые разочарования в рамках революции, быстрым переустройстве общества. Он увидит, как возставшее было народы Европы отвернутся от своих лидеров, как испанцы, например, отдадут своего вождя Ригого на казнь и поругание.

Тогда-то появляются горькие пушкинские строки:
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стречь.

Одни из самых страшных строк в русской поэзии; но все же лишь безумцы после них воскликнут, что вообще нет свободы.

Есть, но трудная, медленная, прежде всего внутренняя... Вернувшись из ссылки, внешне помирившись с царем, оказавшись при дворе, Пушкин не раз услышит от старых читателей, что он уж «не тот», что нет больше дерзких, огненных строк 1820-х годов. Поэту было нелегко объяснить, что «муж, со вздохом иль с улыбочкой, отвергает мечты, волнующие юношу. Моложавые мысли, как и молодежь, всегда имеют что-то странное и смешное. Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а огаты для него не существуют».

За несколько месяцев до кончины поэта им будет подбит итог всей своей жизни:

...я мой жестокий век
восвеляю в свободу.

Чуть прежде, в письме к жене, явно предназначенном для непро-

шенных читателей, которые вскроют и прочтут: «Без политической свободы жить очень можно; без семейственной — неприкосновенности невозможно; которая не в пример лучше. Это писано не для тебя».

Пушкая царь и министры самодержавно управляют Россией: значит, страна (нравится нам это или не нравится) еще не дозрела до демократии. Однако в свою душу и сердце, в сферу чести и внутренней свободы поэт не пустит «ни царя земного, ни даже царя небесного».

Пушкин погиб, защищая именно эту, самую важную, самую неприкосновенную из свобод. Эта тайная свобода и есть главное пушкинское завещание потомкам — то, на что почти через столетие А. Блок откликнется предсмертными стихами 1921 года:

Пушкин! Тайную свободу
Пали мы вслед тебе!
Дай нам руку в нелогоду.
Помоги в немой борьбе!

Две пушкинские свободы — внешняя и внутренняя.

Подробно, может быть, чересчур подробно, говорим и лишем о первой и как мало, к сожалению, о второй, главной, столь необходимой в любую историческую, политическую нелогоду.

В тяжелый для страны и народа 1937 год торжественно отмечалось столетие со дня гибели Пушкина. Таких массовых праздников в честь поэта страна не знала. На бесчисленных собраниях, митингах, заседаниях провозглались в ту пору характерно злободневные фразы и заклинания — во здравие Сталина, на гибель «троцкистско-бухаринских убийц». И все же — говорили и о Пушкине. Мало того, лучшие, еще удавшиеся люди находили в нем спасение, просили дать руку в нелогоду; и как ни дисквалификацию бдительные надсмотрщики — все же не смогли подслушать, обезвредить тайную свободу, с которой «сокрылись» многие, очень многие... Благодаря Пушкину, пушкинским словам все можно было высказать обо всем; и дело тут не в намеке, иносказании, а в средстве душ, мыслей, идей, за столетия не ослабевшем, а лишь окрещившем.

Пушкин учит, что без внутреннего достоинства, чести, гордости, без той свободы, которую у человека можно отнять только вместе с жизнью — всего этого нет и не может быть подлинной свободы, свободы политической: свобода «внешняя» без внутренней остается для нас дарованной, легко утрачиваемой. Путь к свободе труден, чрезвычайно труден. Это Пушкин знал, за что голову сложил, и все-таки: Священная свобода — Богиня чистая.

И. ЗИДЕЛМАН

К 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина

Они прошли через ад и кровь. Семнадцатилетние мальчишки неотступно стерегли смерти в лицо, под грохот выстрелов минутами были под вражеским прицелом. Они пережили гибель своих друзей, тяжёлые болезни, нестерпимое лежало и ласчанные сверчки; они знакомы не только будничной храбростью и отвагой, но и чувством беззащитности и отчаяния. Они видели благородство и подлость, высшую дружбу и мелкое предательство... В свои восемнадцать лет они видели так много, что груз их жизненного опыта

Да, мы наконец возвратились домой. Но еще никак не можем по-настоящему вернуться. Вот какой парадокс! То, что на языке науки называется социальной и психологической адаптацией, в жизни это обожжённые нервы. Иногда это ранит страшнее пули. Не хочу высказываться за всех. Многие из военных-интернационалистов успешно работают, и рядом с боевыми наградами у них теперь появились и трудовые. Некоторые

АФГАНИСТАН В МОЕЙ ДУШЕ

порой оказываются непосильным и более зрелищно по возрасту людям. Когда-нибудь в них появятся прозаические книги и снимку великие фильмы. А пока их боль, их радости и печали звучат в песнях. Одну из них, написанную воинами-интернационалистами Сергеем Кузнецовым и Игорем Морозовым, вы услышите на четвертой звуковой странице. На этой странице звучат не только песни, но и исповеди тех, кто вернулся наконец-то домой. Вы услышите казвинкина Ростика Окунского (не Ростислава, в память Ростика, как дуэново зовут его друзья), Павла Савчина из Ярославля, Римантаса Рузиса из Литвы, астраханца Александра Коложана, Александра Буткова из Новосибирска, Юрия Романова с Белгородщины, из города Губкина.

Мы не рассказываем об их подвигах, не называем ни военных званий, ни наград, но сегодняшних заслуг, хотя и в мирной жизни они не посрамили воинской чести: один из них, например, избран недавно народным депутатом от комсомола. Братство не знает различий по чинам и регалисам, орденам и льготам. Они — «афганцы», и эти сказано так много, что добавлять ничего не надо.

Евгения ШКИНДЕРЕВА

Всю ночь во сне я снова и снова вместе со своим десантным взводом прыгал с парашютом и никак не мог приземлиться... Казалось, что бесконечный полет навстречу смерти не кончится никогда. И только к утру я наконец забылся. Но меня разбудил тревожный телефонный звонок. Сбывчивый голос моего товарища по Афгану, который после возвращения оттуда никак не мог найти себе работу по силам и духу, сообщал, что ему предложили стать режиссером. Он этим «наимателем» чуть челюсти не свернул, но да факт остается фактом — предложение поступило.

Тут поспешил заболеть бесконницей: что же это такое, за кого нас, «афганцев», принимают? Одни называют героями, другие — надеждой перестройки, третьи — рваными, а иные, наверное, считают нас изгойми, задками «русскими Рабзо», иначе как объяснить такой спрос на «афганцев»?

поступили в вузы. Только у нас, в МГУ, учится около 150 бывших воинов. Но проблема адаптации остается. И от нее нельзя отмахнуться, иначе через несколько лет мы столкнемся с тем, что в Америке называют «вьетнамским синдромом». Прошедшим Афганистан невозможно жить в одиночестве! Пусть не удивляются объявители нашего стремления объединяться. Наше братство — это привычка чувствовать локоть надежного друга в бою. Как нам порой до отчаяния необходимо чувствовать его теперь, в мирной жизни!

Однако меня, например, настаораживает напористое желание некоторых официальных организаций непременно втиснуть наше движение в рамки военно-патриотического объединения. У меня это вызывает протест. И вот почему. Верность Родине, готовность к ее защите всегда отличали советских людей. Неправомысленно, по-моему, сужать это понятие только до военизированной патриотизма.

Нас активно привлекают к работе с подростками. У меня это тоже вызывает чувство тревоги. При очевидной недостаточности культуры и образованности у многих из нас такое «шефство» может обернуться утверждением культа силы, разжиганием пристрастия подростков к военной атрибутике вместо интереса к книгам, знаниям. Тут могут прорасти и корни новой «дедовщины».

Тенденция втиснуть нас в прокрустово ложе военной патриотии, думается, не случайна. Таким путем хотят снизить нашу активность, полностью подчинить себе наше движение, ослабить нашу непримиримость к законренным столоничальникам, хулганам, взыкатникам. Словом, идет борьба за «афганцев». Нередко дело доходит до откровенной спекуляции на афганской теме. Мы же должны сделать все, чтобы избежать возможной трагедии возвращения из Афганистана, которая может обернуться как волпесками наркомания и пьянства, так и психологическим стрессом.

На фото А. ЛЯДОВА, сына А. Петрова, погибшего в Афганистане. А. Талочко и Александр Талочко из Всесоюзного центра спелеологического туризма бывшие воины-интернационалисты — студенты МГУ.

Многие наши парни очень ранними, порой агрессивными, выйдут и на вступ доверчивыми. Именно поэтому считаю, что военно-патристическое объединение не годится для «афганцев», потому что будет все время их держать в постоянном внутреннем ознобе прошлого. Зачем назначать «афганцев» вооруженными, инструкторами, руководителями различных специализированных военных секций? Может случиться так, что подростки прельстятся идеями войны, так и не поняв главного — нашей трагедии, боли. Чему мы можем научить мальчишек? Выполнять команды «бей», «рубят», «колоть»? Нужно ли это им? Подготовку к армии, на мой взгляд, должны проводить умные преподаватели, спортсмены, энтузиасты.

Возможно, я вызываю огонь на себя, но со всей определенностью хочу сказать, что доверять нам подросток — послушная и неподдающийся шаг.

Считаю возможным создать Всесоюзную ассоциацию военных-интернационалистов, которая будет активно действовать на самых трудных участках перестройки, равноправно сотрудничать со всеми организациями и решать свои специфические проблемы.

Поступление денежных средств в ассоциацию может идти от частных лиц, от спонсоров, но основной материальной базой ассоциации должна стать кооперативная деятельность «афганских» клубов. Такие кооперативы в стране уже появились, например, по пошиву детской одежды. Они дали сразу и ощутимую прибыль, и приличную зарплату инвалидам, а главное — уверенность в своих жизненных силах.

Ассоциация должна оказывать помощь матерям погибших воинов, решать материальные, медицинские проблемы, заниматься образованием и культурой бывших воинов, общественной и международной деятельностью, поддерживать движение и борьбу за мир.

Я убежден, что мы закрепимся в жизни полурегулярными хозяевами и в труппах. Военно-интернационалисты, прошедшие огнем и кровью, станут реальной силой перестройки. И тогда никаким режисерам не придет в голову бредовая мысль «мобилизовывать» нас в свои команды.

Возможно, мое соображение о будущем нашего движения кому-то покажутся спорными. Я приглашаю вас, боевые братья, на страницах «Кругозора» высказать свое мнение.

Игорь БАШЕН,
студент факультета журналистики МГУ,
сервант зала ВДЦ,
воин-интернационалист

Я слушала собеседника, в воспоминаниях целоко возвращалась мой взгляд за окно. Из огромного окна кафе хорошо был виден исток Тверского бульвара, где в дни моего детства стоял, как писал Цветаева, «плакатный стол». Жаль его, переместившего на площадь оцепившего поэта, жаль было и своего бывшего-невозвратного.

На Альбину Матвееву, которую я расширявала, поспрашивали с соседнего столика. Дало было не только в том, что актрису узнали: люди прилекало ее рецитативное ление.

Отвечая на мой вопрос о характере одной из композиций, с которой она выступала, Альбина Борисовна стала тахо, с чувством, распевно читать:

*Почему все не так?
Вроде всё, как всегда:
То же небо, опять голубое,
То же лес,
... то же воздух и та же вода,
Только он не вернется из боя...*

И другое стихотворение Высоцкого:

*Кто сказал: «Все старело дотла,
было и земля не бросите семя?»
Кто сказал, что время умерло?
Нет, оно затекало на время...*

Каждый раз меня поражает — при всей, казалось бы, вседозаказности — подтвержденные мысли: какой-то из наших развлекшихся и неравнодушных интересом, пристрастий заложен в нас с детства! Матвеева девочкой очень любила домашнее ление отца. У него был хороший голос, и он легко играл на гитаре.

Альбина тоже пела — дома, для гостей. Другая мать с советами расширить круг слушателей. Но на эстраду она вышла впервые в 1984 году после долгих лет работы в театре и кино. Непостоянство друзей и подступающее жалание осуществились лишь тогда, когда режиссер В. Жак поставил для нее лирический монолог «Память», посвященный М. Бернесу и В. Высоцкому. Она готовила композицию несколько месяцев. Актрисой вышла на сцену концертмейстер Е. Александров (М. Бернес ведь пел под фортепиано) и гитарист А. Душенов.

Первая встреча со зрителем 9 мая в Московском театре эстрады оправдала надежды актрисы. «Я люблю тебя, жизнь», «В далекой край ветра улетае», и песни В. Высоцкого мгновенно объединили людей в зале, вызвали столь желанное для каждого исполнителя родство со зрителем. После «Памяти» были еще композиции — с другими песнями В. Высоцкого, стихами А. Кульчичко, Е. Майорова.

Творческая судьба Альбины Матвеевой богата неожиданными поворотами. Осознав МВТУ имени Баумана по специальности автоматика и телемеханика, она поступила работать в Академию наук, а вскоре стала студенткой вечернего отделения Театрального училища имени М. С. Щепкина. По окончании была принята в труппу Московского театра на Малой Бронной.

За двадцать лет работы в театре зрители запомнили ее роли Кулигина в «Волке и олене», в инсценировке по Ф. Достоевскому В. Розова

«Брат Алеша» (Никонов), Елизаветы Богдановой в тургеневском спектакле «Месяц в деревне». И в кино сыграло много roles, есть и главные. В телефильме «Единственный мужчина» — руководитель солидной фирмы, в современном телефильме женщина В «Ноконечном уроке» — директор школы. В многосерийном телефильме «Заездочет» — разведчица.

Но, на мой взгляд, ее главная удача — в новых фильмах «Брод», А. Матвеева играет мать, оставшуюся с маленькими сыновьями в оккупированном гитлеровцами городе. Огромная, выступающая голодом и бедой квартира приходит в состояние полного забвения, становится непригодной. Но на территории в основном и развиваются события. У героини Матвеевой две смертельные заботы: спасти детей и не оказаться невыполненной иронии, а следовательно, героиня чувствует себя как духовному сыру.

Чувствуется глубокая связь между песнями, стихами о войне, которые А. Матвеева исполняет на эстраде, и некоторыми ее актерскими работами. Близость эта прежде всего в искренности ее рассказов о народном бедствии. Она говорит: «Все, что связано с войной, волнует меня чрезвычайно». Признавая, что она мне показалась странным и даже неестественным, что актриса влезла за исполнение с эстрады мужского репертуара. Однако, услышав ее, ощутил, что в композиции она является драматическим духом Матвеевой. Это короткие мимолетные моноспектакли или, точнее, фрагменты некоего лирико-драматического действия. Тот факт, что песни Высоцкого исполняют не только на эстраде, но и в театрах, дает возможность о простом подражательстве.

И все-таки после стольких удач в театре и кино зачем актрисе этот труд на эстраде? Суть ответа Альбины Борисовны такова. В театре ты общаешься с партнером, так что контакт с залом в некотором роде опосредован. А с эстрады ты смотришь прямо в глаза зрителю. Это ни с чем не сравнимое ощущение. В первые минуты на эстраде испытываешь чувство страха. Но оно улетучивается, как только начинаешь петь. Ей хотелось бы и в театре сыграть такие роли, где бы можно песней и музыкальной полнее передать свои чувства. Да, эмоциональная отдача в этом случае очень высока. О чем не поет актер, он всегда как бы исповедуется. Поэтому у драматических актеров на эстраде — особое место. Никогда не забуду имя Анны Мароновой. А разве Высоцкий не был драматическим актером на эстраде? Правда, почему-то слово «эстрада» не очень ассоциируется с этим именем, будто он приходил к людям из «их же рядов», а не поднимался на возвышение.

Высоцкий написал такие строки: «Но гитара опять не хочет молчать... Это, должно быть, о возможности всегда такого живого отклика, о вечной тяге к нему людей. Хотелось бы гитару Альбины Матвеевой слышать и с экрана, и со сцены.

Г. НИКУЛИНА
фото Е. ГЛУХОВА

ГИТАРА НЕ ХОЧЕТ МОЛЧАТЬ

На этой неделе звуковая страница Альбины Матвеевой исполняет монолог «И ты сыкнул слезы, как капли на разбитой скле».

МОЛОДЫЕ ДРАМАТИЧЕСКИЕ АКТРИСЫ

Зукова
публикация «Реквием»
в авторском чтении
Анны Ахматовой
(«Кругозор» № 12, 1987 г.)
вызвала большой интерес наших
читателей и слушателей,
многие из них просят рассказать
об этом замечательном поэте,
столетие со дня рождения
которой отмечается
в этом году.

Событием, что наиболее
серьезно исследованное
о творчестве Ахматовой —
книга Лидии Чуковской
«Записки об Анне Ахматовой» —
выходит сейчас в издательстве
«Книга».

Мы же предлагаем
вниманию читателей материал,
подготовленный участником
комиссии по литературному
наследию писательницы
Львом Шоловым, о малоизвестном
эпизоде биографии
Анны Ахматовой — ее поездке
в Англию летом 1965 года.

Однажды зимой 1926 года
один из близких друзей
Ахматовой, просмотрев
ее заметки о связи поэзии Аннен-
ского и Гумилева с поэмами Гомера,
задумчиво сказал:
— Когда вам пришлют горно-
ставную мантию из Оксфордского
университета, помните меня
в своих молитвах.

Грустный смысл этой шутки, со-
хранившейся в дневнике Павла
Лукицкого — прилежного лето-
писца ахматовских «трудов
и дней» тех лет, — раскрывается
на соседних страницах его запис-
ки, где рассказывается о внешних
обстоятельствах жизни Ахматовой:
бедности, почти нищете, об
изоляции, отчасти намеренной, от-
части вынужденной, от литерату-

экземпляре на дальнем лесоповале
одним из безвестных ее читате-
лей.

...Среди встречающих Ахматову
на вокзале «Виктория» в Лондоне
был и молодой, но уже известный
славист, профессор Лондонского
университета Питер Норман. Он
рассказывал мне осенью 1988
года, как торжественно была
встречена Ахматова и как он был
обращен и год, что именно ему
было доверено Британским Совето-
м стать ее переводчиком и «те-
лохранителем» на все дни ее пре-
бывания в Англии.

Питер Норман рассказал, что Ах-
матова прочитала ему на магнито-
фон свой знаменитый, уже изве-
стный во всем мире, но тогда еще
запрещенный в нашей стране цикл
«Реквием». Ему было известно,
что Ахматова не хотела быть при-
частной к зарубежным публикаци-
ям тех своих стихов, которые были
запрещены на ее Родине.

На западногерманском издании
«Реквиема» значилось, например,
что его текст получен и печатается
без ведома автора. И, уважая
авторскую волю, Питер Норман до
1987 года не публиковал эту запис-
ку: она прозвучала с его коммента-
риями по английскому радио
только тогда, когда стало ясно,
что вот-вот на Родине автора если
не один, то другой журнал опубли-
кует эти стихи. Получилось так,
что в 1987 году они были опубли-
кованы в трех журналах, в том
числе и в «Кругозоре».

Большую часть времени Ахмато-
ва проводила не в официальной
обстановке, а в беседах со своими
новыми и старыми друзьями и зна-
комыми. В разговорах со своими
английскими друзьями Ахматова,
что называется, «с порога» отме-
тала всякие попытки сочувствия
ее нелегкой судьбе, тому, что она,
не имея возможности печатать
свои стихи, вынуждена зарабаты-
вать на жизнь переводами. Приме-

...ДОЛГОВЕЧНЕЙ ЦАРСТВЕННОЕ СЛОВО

ной и общественной деятельности
в середине 20-х годов.

Пройдет четыре десятилетия,
и именно Анна Ахматовой — един-
ственному из наших поэтов — буд-
дет торжественно вручена пурпу-
ро-серая мантия доктора литера-
туры Оксфордского университета.
Не думаю, чтобы Ахматова при-
давала особое значение этому от-
личию, так же как и международ-
ной премии «Этна Таормина», ко-
торая была вручена ей в Италии
в 1964 году. Близкие ей люди рас-
сказывают, что с не меньшей гор-
достью, чем фотографии этих цер-
емоний, она показывала «бере-
стие издание» одной из своих
книг, созданное в единственном

чательные отзвуки некоторых из
разговоров сохранились в записках
В. Франка. Речь шла о «порче-
русского языка в Советском Сою-
зе и о том, что «чистота» его сох-
рана лишь во все сужающемся
круге «старой эмиграции». И здесь
неожиданно для собеседника Ах-
матовой стала звучать одно не
очень складное выражение в га-
зетной заметке.

— Ну да, это вам чуждо. Это рас-
стущий язык... Мы бог знает как
говорим. Язык у нас зарячен
и испорчен, но это растущий язык,
живой язык. А мужики как нужно
говорят! Недавно один мой ученик
поехал навестить Бродского в Ар-
хангельской области. Вечером

Фрагмент
слайдов,
воспроизводя
К. И. Чуковский
и редкие
записи
авторского
чтения
Анны Ахматовой
слушайте
на этой
звуковой
странице.

На фото:
фрагмент картины
А. Османьяна
«Анна Ахматова
в белую ночь»,
1939 г.;
А. Ахматова
(в центре снимка)
после присвоения
ей почетного
звания доктора
литературы
Оксфордского
университета,
1965 г.

к Бродскому пришел местный начальник милиции, конечно. Бродский ему сказал:
— Ну, что с меня спрашивать? Я же тунецед.
— Ну, какой вы тунецед...
— Ну, английский шликен...
— Вот это ближе к делу, — сказал мужик.
— Ближе к делу!..

5 июня в зале Шелдона состоялась церемония присвоения Анне Ахматовой почетного звания доктора литературы Оксфордского университета. Торжественная речь была произнесена на латыни. Об Ахматовой в ней было, в частности, сказано:

«Эта величественная женщина некоторыми с полнотой правом именуется «второй Сапфой». Мы же, однако, предпочли бы назвать ее лишь Анной, этим вечно славным именем и, как она сама говорила, дивно сладственным...»

В своей первой книге, называемой «Вечер», она, интеллектуально утонченная женщина, говоря об общем, точными словами выразила движения и чувства собственной души...»

После окончания церемонии в Шелдоне Ахматову усадили в машину и повезли опять в отель «Рандольф». Туда пришли многие ее почитатели, среди которых на это торжество из разных стран Европы. Одним из первых она приняла давнего друга своего молодости, художника Юрия Анненкова, которого когда-то она называла Юрочкой, автора едва ли не лучшего ее графического портрета.

В Оксфорде же встретилась Ахматова с сестрами Бориса Пастернака Лидией и Жозефиной, с графом Оболенским и с саром Исидой Берлингом, «невольным» лирическим героем ряда ее стихов, одно из которых прозвучит в авторском чтении на звуковой странице «Кругозора».

В 1945 году, когда они познакомились, они виделись всего два раза, но Ахматова писала под впечатлением этой встречи стихи и в 1945-м, и в 48-м, и в 56-м, и в 62-м...

...На пугайся — я еще похожий
Нас теперь изобразит мугу.
Прирак ты —

иль человек прохажив,
Тень твою завою к берегу.
Был недолго ты мимы Знаем, —
Я тогда отделилась костром.
Друг о друге мы молчать умеем,
И забыл ты мой проклятый дом...

Берлину запомнились размышления Ахматовой о современной русской поэзии: «Она сказала, что бесконечные терзания ее страны, свидетелем коих она была, породили поэзию необыкновенной глубины и красоты, но эта поэзия началась с 30-х годов большей частью

оставалась неопубликованной. Она сказала, что предположила бы не говорить о поэтах предвзвешенно... Единственный живой поэт из числа старшего поколения, о котором она говорила с одобрением, была Мария Петровых, но в России немало одаренных поэтов и среди молодежи. Лучший из них — Иосиф Бродский, которого она сама, как она говорила, вывела на дорогу, но чьи стихи публикуются очень мало...»

Постенно беда становилась все более доверительной и личной. Собеседники понимали, что их встреча в Оксфорде — их последняя встреча.

«Она сказала, что ей осталось жить недолго. Врачи предупреждали ее, что у нее слабое сердце. Она терпеливо ждала конца. При этом ей была нестерпима мысль о жалости к себе. Она повидала ужасов на своем веку и знала самые тяжелые минуты отчаяния. Она просила друзей обещать ей не проявлять к ней чувства жалости, а если оно все же возникнет, то подавлять его. С тем, кто давал все-таки волю чувствам, ей пришлось расстаться. Она могла вынести ненависть, оскорбления, непонимание, преследование, но смесь симпатии с состраданием — никогда!»

— Вы можете, — спросила она, — дать мне слово чести? Я дал это слово и сдержал его. Мне глубоко импортировали ее верность и достоинство...»

А 11 июня 1965 года одна из ведущих английских газет — «Таймс» — дала подробный пересказ беседы корреспондента «Монитор» с Анной Ахматовой под двумя заголовками. Первый — крупными буквами: «Русская поэтесса тронута международным признанием». И второй: «Воспоминания отверженного в сталинскую эпоху».

«Видите ли, Ленинград (живет) во мне». Мисс Анна Ахматова коснувшись груди узаннанными колдыми пальцами, отвергнул вопрос о современных кварталах бывшей русской столицы. Этот короткий повелительный жест содвинулся русской поэтессы, чья прямая поза противоречит ее крупному телосложению и 76 годам, отражает ее отношение к поэзии.

Это для нее что-то настолько интимное, спокойное, требующее такого же близкого контакта между поэтом и его аудиторией, какой у нее был с ее великим городом, в котором она оставалась даже тогда, когда многие другие ее покинули, и разделяли его самые трагические часы, как делила с ним радость. Она слишком близка ему, чтобы восхититься эффектными новшествами.

Пока я говорила с госпожой Ахматовой, ей прислали два письма

с поздравлениями с присуждением докторской степени в Оксфорде. Она сказала, заметив восторженность, когда передавала эти письма мне. Одно было из Швейцарии, другое — из Парижа. За 18 лет ни одно ее произведение не было напечатано в России, хотя она не переставала писать, а вот теперь она получала письма от читателей с разным общественным положением — от рыбаков Северного моря и даже от заключенных.

«Мысленно возвращаясь к годам террора, который, она подчеркивала, закончился со смертью Сталина, поэтесса добавляет, что не было ни объяснения, ни логического обоснования этим ужасам, ни какого-то осмысленного выбора жертв. «В это время было своеобразное явление — добавляет она с грустным сарказмом. Судящие и мие одновременно были изыскать продуктивные карточки и прекратились продуктивные послышки. А в другое время Сталин лично распорядился вывезти ее самолета из Ленинграда во время блокады, и, когда она почти умерла от тифа в Ташкенте, от него пришел по телефону приказ [местным властям: — Ред.] — Ахматова должна быть выслана...»

Госпожа Ахматова подробно рассказывает о «послесталинском поколении» — о том, что она не перестает удивляться возрождению нации, которая была так жестоко опозрана. И снова вокруг нее в России появились молодые люди, которые не знали страха...»

Если в 1965 году английские газеты об Ахматовой писали с большим уважением, но прежде всего акцентировали политические аспекты ее стихов, то со временем, особенно после того, как на английском языке в 70-х годах был издан том ее стихотворений и вышла большая книга Ааманды Хейт, посвященная ее творчеству, Ахматову в английской прессе последних лет стали характеризовать как тонкого психолога, мастера исторической поэзии и называть «величайшим поэтом нашего столетия».

Как о значительнейшем событии в культурной жизни страны писала «Таймс» о премьере сестры Анны — Ревилем», созданной известным английским композитором Д. Тейнером на стихи Анны Ахматовой и исполненной симфоническим оркестром Би-би-си под управлением Геннадия Рождественского (солисты: Филип Брен Джалсон и Джон Ширли Квирк).

Сам же композитор так сказал об этих стихах Ахматовой: «Это — воззвание ко всему человечеству и самый замечательный источник вдохновения...»

Лев ШИЛОВ

Лондон — Москва

Его называли политическим карьеристом, эстримистом и даже авантюристом. Уж очень он не вписывался в традиционные представления о комсомольском работнике. Но даже крыше его противники вынуждены признать, что все его смелые и рискованные начинания заканчивались успехом. Будто это деловой центр МЖК или школьный завод, объединение любительских клубов или центр общественного призыва молодежи, научно-производственное объединение или молодежные кооперативы, то есть все то, о чем в Волгоском четыре года назад никто и не помышлял, а сейчас все это живет и действует.

Ни начальственного металла в голове, ни солидарности за вынужденную работу на ответственных постах (был первым секретарем Волгоцкого горкома, сейчас — второй секретарь Волгоградского обкома комсомола) Александр Киселев так и не приобрел, зато начал непреклонный авторитет среди молодежи. Ну, скажите, где вы видели, чтобы рокеры, ламки, металлисты запросто заходили к секретарю горкома комсомола и решали, где им собраться, как объединиться, где достать мотоциклы или ударные инструменты?.. К Киселеву идут все. Формалы и неформалы, он вообще этого деления на «нашу» и «не нашу» молодежь не признает.

В этом весь Киселев, не склонный к красивой фразе, но всегда устремленный к делу. Наверное, потому с первых же шагов на комсомольском поприще этот, тогда двадцатипятилетний, худенький парнишка, с тихим голосом и вежливыми манерами, с искренним вниманием к любому собеседнику, как-то незаметно «приматкнул» и сплотил, как он ее называет, «комсомольскую команду». Люди в ней были разных возрастов и профессий — от школьника до кандидата наук, от пещана до пенсионера. Но все тянулись к нему, потому что никогда — ни в малом, ни в большом — у него слово не расходилось с делом. Если он ратует за социальную справедливость, то на только в своей депутатской программе. Он и сам не имеет никаких привилегий — не было у него ни спецпайков, ни спецбилетов, ни льготных путевок, ни спецквартиры улучшенной планировки (он и жилье-то получил

недавно, а до этого жил с женой в общежитии). Это не позв, это — позиция. Стоит ли удивляться, что молодежь Волгограда, Саратова, Волжского как свое кровное дело восприняла будущие планы кандидата в депутаты Киселева.

А борьба была неравной. Ведь другим кандидатам в народные депутаты по этому региону был мастытный писатель Юрий Бондарев. И все-таки победил Александр. Всей своей программой, своими взглядами, своими начинаниями, искренним желанием и умением делать реальное дело Киселев еще раз доказал, что он — лидер, представитель того племени энергичных, смелых и честных людей, что выходит сегодня на политическую арену перестройки. Потому и проголосовало за него вдвое больше избирателей.

«Что нужно человеку для счастья? Любимая жена, любимая работа — иному и этого хватит с лихвой, чтобы благодарить судьбу. Но Александр Киселев — максималист. На мой вопрос, как он мыслит свою дальнейшую жизнь, он ответил: «Не важно, где и кем буду работать, главное — остаться нужным людям...» ■

Любовь ТЕРЕХОВА
Фото Б. ПАЛАТНИКА

Итак, выборы позади. А впереди, как и у других народных депутатов, у Александра Киселева новые планы, новые задачи. Слышите первую звуковую страницу.

НАРОДНАЯ ДЕПУТАТКА
АЛЕКСАНДР КИСЕЛЕВ

Авторы и исполнители, добившихся безоговорочного успеха в хит-парадах однажды, всегда были более чем достаточно. Обычно это происходит тогда, когда широкая публика открывает для себя тот или иной музыкальный стиль и новую очередь модную инновацию. Большинство имен, песен, пластинок впоследствии забывается, и публика — порой даже не без некоторого раздражения — узнает о том, что артист жив и здоров и продолжает выступать на сцене. Джерри Ли Льюис и Литтл Ричард продолжают выступать не без успеха и сегодня, но вспоминают о них только тогда, когда речь заходит о рок-н-ролле 50-х.

Хотя у рок-н-ролла Ричард добился успеха сначала как автор песен, а белый Джерри Ли Льюис — как исполнитель, есть между ними много общего. Оба от природы на-

Почему его запомнили? Наверно, потому, что он в большей степени, чем Пресли, показал, что рок-н-ролл — не только (а порой не столько) музыка, сколько некие мелодии, взорванные южной энергией, той непосредственностью, неподеленностью, которая любой напев превращает в однозвучную определенность. Ведь в быстрой, по-спортивному энергичной песне понятное дело, не до тонких намеков: успеть бы и слова прилеვა разобрать, и в ритме не запутаться.

Джерри Ли Льюису это удалось сразу, и свой заряд энергии он умело передавал аудитории.

Ричард Уэйн Пеннеман, сбегав из дома, начал свою артистическую карьеру подростком. Именно потому он навсегда остался в истории рок-н-ролла как Литтл Ричард, то есть Малыш Ричард, хотя на самом деле он выше сред-

валифицироваться в проповедничестве. Впрочем, это продолжалось недолго — до сих пор его имя можно встретить на афишах концертов и в титрах кинофильмов, воссоздающих атмосферу 50-х годов. Но в хит-парады его песни уже не попадают, даже если обладают всеми необходимыми для этого качествами (например, «Близ свободы», 1970 год). Публика не хочет мяться с тем, что их любимая порча перестает своей привычной сценической облик. И немалым удачей переубедить ее.

Эдди Кокрану это удалось. Попробовал. В 1960 году, когда он пошел в автомобильной катастрофе, ему не исполнилось еще 22 лет. Никакой особенной легенды после его смерти не возникло; по сути дела, он не успел даже доказать свое, хотя был активным, ярким и незаурядным автором-исполнителем. Одним из первых он начал

ДИСКУССИЯ
В СТИЛЕ РЕТРО

На десятой
звучной странице —
«Летний блюз»
(Эдди Кокран,
сопрано)
«Моя калачика»
«Ну и восторга
будет»
(Уильямс, Дэйвид).
Исполняет
Эдди Кокран,
Литтл Ричард
и Джерри Ли Льюис.

ТРОЕ ИЗ ПЯТИДЕСЯТЫХ

делены недожонкими музыкальными способностями, непохожими вокальными данными, оба достаточно профессионально овладели нетипичным и для 50-х годов, и для рок-музыки вообще инструментом — дортепаном. Но не это, разумеется, главное: оба они, пожалуй, первыми смогли обнаружить в рок-н-ролле неизрасходованный потенциал южной энергии и воспользоваться ею непосредственно на сцене.

Несогласие с миром «взрослых», с повседневной обязательской рутинной они выражали как при помощи музыки, самых песен, так и во всем своем сценическом облике. Так, роль для обоих превратилась не столько в ударный инструмент, сколько в театальный реквизит: Джерри Ли Льюис — представляете только! — закидывал на роль ногу и отбивал его ритм на клавиатуре, Литтл Ричард вскакивал на инструмент и отплясывал на нем четкую. Конечно, роль не создан для того, чтобы на нем танцевали, но вот насчет игры ногами... Те, кто возмущался подобным святотатством, вряд ли знали о том, что если не ногами, то кулаками на клавиатуре пользовались уже в 20-е годы и американец Генри Кауалл, и венгр Бела Барток, и немцы поздние Сергей Прокофьев.

У Джерри Ли Льюиса много общего с Элвисом Пресли — его ровесником: оба — с юга США, оба — выходцы «из низов», оба начинали под руководством владельца фирмы грамзаписи «Сам» Сама Филлипса. По его совету Джерри Ли Льюис записывал для пластинок негритянские песни и поладает в десятку намного быстрее самого Пресли.

его роста. Секрет успеха Литтла Ричарда, пожалуй, в том же, в чем и его ровесника — Джерри Ли Льюиса. С той разницей, что негр Литтл Ричард сам писал свои песни, но популярными они нередко становились в исполнении белых певцов (того же Элвиса Пресли, например, который повторил первую успешную пластинку Ричарда 1955 года — «Тутти Фрутти»).

Разумеется, это задало самолюбие молодого артиста, и поэтому он стремился привлечь к себе внимание любыми средствами. Его темпераментный сценический облик, вычурные принасы и жесты — все это вошло в историю рок-н-ролла. Но вот что удивительно: его песни, казалось бы, простейшие, если не сказать, примитивные, 12-тактовые блюзы, исполняемые в темпе быстрого рок-н-ролла, с текстами, как и у Льюиса, фактически ограничивающимися названиями (как правило, это женские имена), охотно поют и сегодня. Видимо, есть уже в том ритме, в котором произносятся женские имена, а подчас совсем бессмысленные фразы (например, «авалбалубалубалубабубу» — эта ритмическая абракадабра даже стала названием перевернутой у нас книги о рок-музыке британского критика Ника Кона), какая-то своя интонация, своя энергия. Тот, кому может показаться, что Литтл Ричард всего лишь бесцельно выкрикивал все эти имена, должен обязательно услышать, как певец поет духовный гимн «Мое желание».

В 60-е годы Литтл Ричард пытался привлечь внимание к своей персоне, периодически заявляя, что бросает сцену и собирается пере-

применять технику многократного наложения: в своих самых успешных записях он сам поет и играет все партии. Несмотря на то, что таких записей у Кокрана при жизни было не так уж мало (особенно в Великобритании), в историю рок-музыки он вошел как автор одной песни — «Летний блюз» (1958 год). Фактически это первая, сознательно оформленная программа будущего молодежного движения 60-х («Пойду пожалуйюсь к конгрессмену, а у мне в ответ: «Ты слишком молод, парень, чтобы голосовать» — то есть твои проблемы меня не интересуют), первая песня протеста в современном понимании этого термина. ■

Дмитрий УХОВ

Кем мечтают стать мальчишки? Космонавтами или капитанами дальнего плавания, пожарными или милиционерами, полковниками или летчиками-испытателями, ну на худой конец каскадерами...

Дима с детства мечтал стать архивистом. Вот тогда у него удивительно была мечта.

Впрочем, не такая уж неожиданным для тех, кто его хорошо знал.

Дима — счастливый человек, ибо свое призвание осознал рано: где-то в классе шестом или седьмом... А началось все со школьной викторины,

на вопросы которой Дима по памяти попытался искать

ответ не куда-нибудь, а в Центральный архив Октябрьской революции.

Ответов он там не нашел, потому как туда его попросту не допустили. С того времени

и начал Дима собирать всеми правдами и неправдами свою, теперь уже ставшую знаменитой картотеку репрессированных, насчитывающую более

126 тысяч имен. Это сейчас имя Дмитрия Юрасова известно многим, его деятельность связывают с движением общества «Мемориал».

Это сейчас он удостоен быть избранным в правление этого общества наряду

с поэтом Е. Егузовым, историком В. Коротиным, академиком А. Сахаровым... А всего два-три года назад его отчислили с вечернего отделения

Историко-архивного института за то, что попытался

обнародовать часть сведений о репрессиях, хотя был выдан иной

благожелательный предостережение. Пришлось ему добывать хлеб своей

крупнейшей тижелейшим трудом грузчика, благо природа

его ни силой, ни ростом не обидела. Все бы ничего,

да только поворобуйте-ка после этой каторжной работы

еще сидеть ночами до четырех-пяти утра,

отвечая на письма, разбираться в многочисленных документах, что шли на адрес

Дмитрия Юрасова от родственников репрессированных. Откуда же

он, двадцатичетырехлетний молодой человек, черпает энергию, энтузиазм?

«Эти силы мне дает общение с людьми, которые верят в меня», — ответил Дмитрий Юрасов.

Слушайте вторую звуковую страницу. Любовь ФЕДотова

«...М

ы, дети Величко Петра Каземировича, репрессированного 25 октября 1937 года в городе Лодыное Поле Ленинградской области, просим Вас разыскать в архивах дело нашего отца. Подумайте о нас: мы полвека добиваемся правды. Мы хотим знать, чем мог наш отец, простой труженик, машинист железной дороги, поколебать основы Советского государства? За что его расстреляли, убили или сломали в сталинских лагерях?»

Я помню страшную ночь 25 октября 1937 года. Когда пришли за отцом, его не было дома. Тогда они пошли за ним в село, дождался его там из поездки и арестовали. Потом дома был обыск, все перерыли, ничего не нашли. Осталась большая мать и четверо малолетних детей.

Прошло столько лет, а мы, дети, вспоминаем о том времени, как о самом страшном сне. Нам приказали убираться из дома в 24 часа. Без денег, без вещей, без крышки над головой, а главное — без человеческого участия и без какой-либо надежды на завтрашний день. Клячусь, это было страшнее блокады, страшнее землетрясения, ведь люди сторонились нас как прокаженных...»

«...Прошу Вас помочь мне выяснить в чем конкретно обвиняли мою родственницу, 16-летнюю студентку Киевского государственного университета, осужденную за «террористическую деятельность». Псылаю Вам протокол приговора.

ПРИГОВОР

1938 года декабря 22 дня. Военный трибунал Киевского особого Военного Округа в закрытом заседании рассмотрел дело гражданки Молодецкой Ларисы Ивановны, по социальному происхождению из семьи служащего, по социальному положению учащейся, со средним образованием, не замужней, состоявшей в ВЛКСМ, но в связи с делом исключенной, по национальности украинки, ранее не судимой.

НИЧЕГО,
КРОМЕ
ПРАВДЫ!..

Судебным следствием и материальными делами установлено следующее: Молодцова Л. И., состоявшая студенткой Киевского государственного университета и имея враждебные настроения против Коммунистической партии и Советской власти, в феврале 1937 года на улице г. Киева в разгоре со студенткой рабфака высказала свои террористические намерения в отношении вождя ВКП(б).

На основании изложенного и принимая во внимание, что в момент совершения преступления обвиняемая Молодцова была только в 16-летнем возрасте, военный Трибунал приговорил Молодцову Ларису Ивановну лишить свободы сроком на два с половиной года в исправительно-трудовых лагерях, с порожением в правах на два года, без конфискации имущества, ввиду отсутствия у нее объектов конфискации...

Каждое утро из почтового ящика я достаю несколько писем, иногда два-три, иногда несколько десятков. И в каждом — судьба человеческая, замешанная на крови и слезах, на мученическом пути, на горе, обидях, унижениях... Уже прошло полвека с того черного года, когда набрала обороты беспощадная машина сталинских репрессий, а память людская все живет, все бьется.

В письмах нет жажды мщения, нет призывов — оно за око, зуб за зуб. Наш многострадальный народ издревле учился и прощению, и великодушию. Но желание знать правду о родных и близких, оно неотлужно и так лютит любую человеку. Вот почему я занимаюсь этой работой изо дня в день на протяжении многих лет, хотя

в моей семье не было репрессированных, не было осужденных, нас выжила чаша сия. Но это было с моим народом, а значит, со мной.

Мне часто приходится слышать рассуждения: «А что им еще надо? Ведь уже прошла посмертная реабилитация в 50-х годах, что же еще? Хотят материальной компенсации? Персональных пенсий?»

Нет, не персональных пенсий (хотя и тут, считаю, не грех было бы подумать об увеличении их размеров пособий), а персонального внимания к каждому человеку.

Люди эти, как правило, delicate и застенчивые, современной нахальности не обученные: в многолетних поисках они приблились к одному берегу. И берегом тем стало злословное культурно-просветительское общество «Мемориал». Оно объединило людей разных возрастов и профессий, разных вероисповеданий.

Люди хотят правды, истинной правды, не замаскированной под выдуманные диагнозы убиенных, отписки военных коллегий и министерств. Они хотят элементарного права поддержать в руках дело своего отца, мужа, брата. Они хотят узнать подробности их гибели: хотят знать, в чем его обвиняли, как он держался на допросах, что отвечал, как удалось его сломить, кто написал на него донос, в каком лагере он сидел, как, наконец, он закончил свой путь и что же они слышали в ответ: «Чего захотели, до сих пор не известно, где захоронены Николай Васильев, Осип Мандельштам, а вы хотите знать место захоронения Ивана Петрова или Петра Иванова? Да, они хотят знать могилы своих отцов и дядов. Это — законное право человека. И слава богу, не все из нас еще стали манкуртами, забывшими корни и истоки свои, и не у всех из нас, несмотря на все старания сталинской пропаганды, «вместо сердца — пламенный мотор».

Общество, если оно хочет очажения, должно пройти через познание, а оно немислимо без eyes правды, не усеченной, не оскотленной, а правды без всяких «мо- Но до правды, несмотря на объявленную повсеместно гласность, уви, далеко. Начнем с того, что, несмотря на многочисленные обращения, требования общественности, раздающиеся и с высоких трибун и со страниц газет и журналов, дело так и не сдвинулось с мертвой точки: до сих пор многие архивы закрыты наглухо, как и в недавние времена застоя.

Но удивительное всего, что до сих пор не сняты грифы секретности с реабилитационных дел, то есть с оправдательных документов. Когда-то я работал в Особом архиве Военной коллегии Верховного суда СССР и с полной ответ-

ственностью могу утверждать, что там хранится два с половиной миллиона дел, и все они за семью запорами. Какую же государственную тайну охраняют эти грифы секретности? Или каких познание здравствующих заключенных дел мастеров оберегает эти грифы?

Мы уже в прошлые годы хлещули горя и позора от этой прелестной секретности. Напомним только о двух секретных директивах, одна из них обернулась массовым террором, а другая надолго породила в людях чувство недоверия к государству. Директива 1949 года секретно предписывала органам безопасности срочно обречь повторные дела и приговорить их к бессрочной ссылке, что и было с усердием выполнено. В связи с этим вспомню дело Ивана Яковлевича Врачева, известного деятеля революции. Он единственный оставшийся в живых из числа тех, кто принимал Декрет об образовании Советского государства. Его арестовали в 1935 году, во время войны он был освобожден, воевал, был награжден за храбрость орденами и медалями. Вернулся с фронта героем, а в 1949 году вновь был арестован, ему предъявили абсурдное обвинение 1935 года «в контрреволюционной деятельности», и он снова был осужден в ссылку на 25 лет.

Директива 1954 года демонстрирует, что, несмотря на смерть Сталина, созданная им система продолжала действовать. Эта прелестная директива получила наименование — «47 болезней». А суть ее сводилась к тому, чтобы в реабилитационных справках указывать вымышленную дату смерти и вымышленную болезнь (из указанных 47). Вот откуда появились в семьях реабилитированных совершенно разные, порою противоречивые друг другу реабилитационные справки — с разными датами и годами смерти, с указанием разных заболеваний, от которых наступила смерть.

Старая истина гласит: зло рождает только зло. А как мы знаем, ненависть, зло, отчаяние, неверие — это все силы, не создающие, напротив, разрушающие человека как личность. Но не секрет, что именно на том общественном переломе, на котором находится наша страна и который называется перестройкой, именно в такое время нам более чем когда нужны личности. А вызвать к жизни их может только Правда.

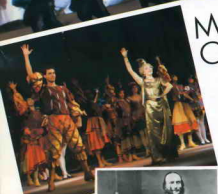
■
Дмитрий ЮРАСОВ

фото
Л. ЛАЗАРЕВА

1

МАЭСТРО ОФФЕНБАХ

На фото
Д. ЛАЗАРЕВА
и АПН:
оффенбаховский
канкан
в XX веке;
сцена
из спектакля
Московского
театра оперетты
«Великая
Герцогиня
Герольштейнская».
Внизу —
Жак Оффенбах.

Когда в оперетте Оффенбаха «Орфей в аду» главный герой спустился в ад за Эридикой, припадывая сотралася от бешеного галлопа. Темпы оффенбаховской музыки изумляющи... Все-таки как-никак конец 50-х годов прошлого столетия. В человеческом быту медленно опускают паромы и паровозы, а летательных аппаратов тяжелее воздуха задумывался только Жюль Верн, а уж космос...

И все же бердье человеческое билоса быстрее, чем мы думаем. В унисон с фантазией. Летел на своем тихоходном пыл-ных локомотивчике Глинка в «Популярное песне», мчался «Хоровод грома» Уиста — эпоха великих виртуозов была в зените — да сам Жак Оффенбах, разве не создал он по горячим следам того же Верна оперетту «Путешествие на Луну»?

Все так, но не в этом было дело. А в том, что старая комическая опера с наивными пастушками, слесными морями и примерными по-чальностями отжила свой век. На дворе стояло время Наполеона Третьего. Этот правитель украл землей 1851 года у парламентариюв аласть — акт был окрещен Марком как 18-е бромера Луи Бона-

парта. Кстати, в Марковой работе есть знаменитая фраза насчет истории, которая повторяется в виде фарса. Так вот, фарсовым зеркала для наполеоновской империи стала оперетта Оффенбаха.

Это словенко — «оперетта» — было новостью, когда пришел Оффенбах. А сам создатель жарра, каков он был?

«Вдур среди нас, — изумлялся парижский критик Жюль Кларети, — внезапно выскочил, точно чертик из ящичка, — в его ящичек звался театром Буфф, — маленький человек, сухой, нервный, с морщинистым лицом, магнетизирующим взглядом, повелительными жестами, с колочне-ириониче-ской улыбайкой на тонких губах. Он завыл резко: «Я — Оффенбах». Откуда он взялся?»

Жак Оффенбах «взялся» из Кельна, где его отец Исаак Эбершт был кантором синагоги и учителем музыки. Эбершта-старшего прозвали Оффенбахом, потому что происходил он из Оффенбаха-на-Майне. Оффенбаха-младшего стали учить игре на виолончели, потом отправили в Париж, где престарелый директор Керубини принял его — иностранца — в порядке исключения в консерваторию.

Оффенбах играл на виолончели блестяще. Он имитировал полет шмеля — эксперимент, позже прозванный Римским-Корсаковым, умел изображать кошачьи мурлыки — акцентриада была, видимо, в его характере. Но выплыть в бурном море парижской музыки, держась за виолончель, пусть и великокопную, было невозможно.

Оффенбах уцепился за театр, который сам открыл. — «Буфф-Парижан». Он нашел помощника — Галеви, одного из будущих либреттистов «Кармен», и актрису, которая никогда не играла на сцене, умирала от страха перед публикой и была буквально вытолкнута к рампе. Так зрители «Буфф-Парижан» увидели будущую звезду оперетты Герцогиню Шнейдер — оперетку Елану Праксарую и Герцогиню Герольштейнскую. Кстати, когда на Всемирной выставке 1867 года экипаж Шнейдер остановился у императорского входа, офицер охраны сказал ей: «Мадам, здесь вход для королеванных особ». После ответа: «Я — Великая Герцогиня Герольштейнская!» — актрису тут же пропустили.

Итак, «Буфф-Парижан» — крошечный театр на Елисейских полях, вошел в историю театра, как «Гранд-Опера», как театр Жана Вилара или «Комеди франсез». Этот театр, а затем и другие сцены показали как бы двойной лик Оффенбаха. С одной стороны, по выражению Соллертинского, это «длинный лик» и «лиф-лаф-бум-бум», кабриолы и каскады опереточных див, вахичеков су-

СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ

мобродство, золото и шампанское, острые ритмы и подымающие мелодии.

А с другой? А с другой — все это и есть декорация или, если хотите, изюбка политического механизма, который высветил в «Периколье» — мозаику референдума. В «Герцидизме Геральштейнской» был предсказан разгром Франции в 1870 году, и позже актер, играющий роль генерала Бума, наклеивал бороздки Наполеона III. Разрушенный фаворитизм и коррупция высветились в «Синей бороздке» и «Прекрасной Елене»...

Перед тем как написать эти заметки, я пошел в Московский театр оперетты, где идет «Герцидизм Геральштейнская». У спектакля (он поставлен В. Курочкиным) — новое либретто. Но карнак «Герцидизм» вечен, ибо он построен на жизненном зрительском интересе, на минутном, «газетном» характере спектакля. Поэтому в публике стоит неудержимый хотеть и от старых острых, и от новых реприз начесть глаголющих, очереди в магазинах и мебели для руководящих работников.

Но богатство Оффенбаха — в его огромном мелодическом разнообразии, его чудесных ритмах — от уютного галлопа до медленной баркаролы в «Сказках Гофмана» — единственной его опере помимо сончинных им 102 оперетты. Наконец, сам Оффенбах как человек немалым был юмором, видением, основной черты характера. В Америке он дирижировал своей опереттой «Прекрасная парфюмерница» и описывая в своих мемуарах финал спектакля следующим образом:

«Исполнительница роли Клериди пела пятью тонами выше. Оркестр в эти детали не входил и играл пятью тонами ниже. Можно судить о каноничности. Я сидел с уша за пультом и делал отчетливые знаки певце и музыкантам. Ничего не помогало. И тут небо послало мне спасительную мысль. Я подал сигнал барабаничку. Он грянул и закатил дробь. Он гремел тридцать тактов до самого конца и закрыл бог знает сколько фальшивых нот. Публика терялась в догадках. Почему полная таинственности сцена идет под бой барабана? Я с ужасом думал о том, что утром напечатают газеты. Но все обернулось халявой и овациями по адресу автора, уверенно прошедшего спектакль...»

Не кажется ли вам, что до нас доносится еще этот едкий смехок маэстро Оффенбаха?

Артем ГАЛЬПЕРИН ■

На седьмой
звонкой странице —
музыка Оффенбаха
и мозаика высказываний
о нем маэстро
советской оперетты.

Говорят, в Москве появилась русская Сабрина?

— Говорят... Впрочем, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

И вот на сцене русская Сабрина. А если без шуток, — молодая московская певица Евгения Герасимова.

Очарование, теплота, мягкая, интимная манера исполнения — как это все необычно для человека, оглушенного грохотом «тяжелого металла».

Какая она — Евгения Герасимова?

— И такая же, как все мои сверстники, поэтому хочу говорить на языке, понятном всем молодым, о тех проблемах, которые нас сегодня волнуют, и в первую очередь, конечно, о любви. Мне кажется, мы разучились просто, бескорыстно любить друг друга.

Песни Евгении Герасимовой живые, темпераментные. Вроде бы так и хочется танцевать под них.

Но, может быть, кто-то в полумраке дискотеки вдруг задумается о том, что ничто человеческое нам не чуждо, что любовь, нежность, женственность не пера еще отнести к моде «ретро», и вдруг залюбуется своей партнершей, а она захочет стать еще прекрасней.

Продолжим разговор с Евгенией.

— Тебя действительно часто сравнивают с итальянской певицей Сабриной. Как ты к этому относишься?

— Скорее как к шутке. Вероятно, виной тому мой сценический костюм. Но я выступала в нем еще тогда, когда никто в нашей стране не знал Сабрину. Поэтому, если продолжить эту тему, можно сказать, что я не русская Сабрина, а итальянская Жени. А если серьезно, то я не осмелилась бы выйти на сцену, не найдя своей образ.

— Таки сверстники часто спрашивают: как стать певицей?

— Вопрос непростой. Ведь выйти на сцену и запеть — еще не значит стать певицей, актрисой. Что касалось меня, то я окончила музыкальную школу. Работала в нескольких самодеятельных коллективах, присматривалась к профессионалам, а потом меня пригласили в фестиваль-гастрольное объединение «Орион-ревию», где я сейчас и работаю.

Евгении 20 лет. На профессиональной сцене выступает всего полгода, которые принесели ей первый успех. Впрочем, он не стал поводом для успокоения, а, как сказала сама Евгения Герасимова, скорее это стимул для работы — и над вокалом, и над репертуаром.

О. КРИВОШЕЕВА ■

На девятой
звонкой
странице
в исполнении
Е. Герасимовой
слушайте
песни
«Пьеро»
(А. Гретьякова,
В. Папилова)
и «Любовь»
(Р. Амриди,
А. Фогетов).

ЕВГЕНИЯ ГЕРАСИМОВА

«ЮРИТИМКС»: НЕ ПРОФЕССИЯ, А ЧАСТЬ ЖИЗНИ»

На одиннадцатой звуковой странице в исполнении «Юритимкс» звучат песни Девы Стюарт и Анни Леннокс «Все в порядке» и «Сестры».

В мировой рок-музыке есть явления, которые определяют направление всего жанра. Когда всем уже кажется, что рок-музыка вот-вот начнет дышать на ладан и исчерпает себя, откуда-то из-за кулис возникает новое имя, которое показывает: дорога свернула, а там, за поворотом, открываются новые, еще никем не виданные просторы...

Так было и с английским дуэтом «Юритимкс». Когда в 1983 году он всплыл на небосклоне английского рока, стало ясно: перед нами совершенно новое явление в поп-музыке, на которое нельзя не обратить внимания. Травести на рок-сцене трудно было кого-то удивить, но солистка дуэта — Анни Леннокс — продемонстрировала нечто иное. Эдакий бравоый молодец в форме морского офицера, с коротко остриженными волосами цвета «Фанты», ярко обведенными губами и сияющей синевой вокруг глаз. Но главное — «Юритимкс» исполнил совершенно новую музыку.

Характерно и то, что ансамбль не вступил возник на рок-сцене, а именно вырос из недр 70-х, мучительно ведя поиски своей индивидуальности. Леннокс и ее партнер по дуэту Дейв Стюарт во второй половине 70-х входили в состав квартета «Триггера», в котором Дэйв давал альбомы, но никогда не поднимал выше уровня второго эшелона рок-музыки. Анни была солисткой. Дэйв — музыкальным дирижером ансамбля, квартет исполнял хард-рок в духе 60-х годов, но своего лица найти так и не сумел. В итоге группа распалась, а Анни и Дэйв несколько лет молчали.

В начале 80-х они решили идти собственным путем: взяли на вооружение все музыкальные стили, но при этом предстали в виде некоего рок-авангарда. Первый диск — «В саду» — еще нес в себе следы пристрастия к хард-року и злоупотребления электроникой.

Звездами Леннокс и Стюарт стали лишь после своего второго альбома — «Сладкие грезы». Здесь им удалось создать музыку, раскрывшую их подлинное лицо.

Сущностный образ «Юритимкс» возник случайно: Дэйв и Анни выступили в одной из лондонских дискотек в «футуристическом шоу». Публика в упоении танцевала около эстрады. Вдруг один из посетителей в восторге схватил Анни за черные длинные локоны, и... в руках у него остался парик, который скрывал ультракороткую стрижку. Зрители пришли в восторг.

Анни, безусловно, отличная певица, обладающая редким для рок-сцены голосом с широким диапазоном — от высокого баллада равнин роверов до низкого, грудного, в самый раз для джаза. Песни

«Юритимкс» всегда, кажется, несут в себе напористую энергию и скрывают внутренний динамит, хотя порой окрашены нежными тонами, а их неподдельная эмоциональность зовет к сопереживанию. В этом — и заслуга великолепного мультиинструменталиста Девы Стюарт, который является аранжировщиком и продюсером пластинок ансамбля.

Хотя все «хиты» группы написаны ими самими — причем Дэйв отвечает за музыкальную часть, а Анни специализируется на текстах, — Леннокс все же по-прежнему относится к себе с недоверием. «Я показываю текст Дэйву», — объясняет она, — и чувствую себя школьницей, которая не знает, так ли она сделала. Потом он говорит: вот эта строчка хороша. И тогда мы ведем всю песню от этой фразы. Дэйв — мой каталогатор...»

После «Сладких грез» «Юритимкс» стал лидировать в хит-парадах, и каждая новая пластинка дуэта высвечивала все новые достоинства музыкантов. Успех третьего альбома — «Прикосновение» — был уже настолько прочным, что их пригласили написать музыкальную дорожку к фильму «1984 год» по Джорджу Оруэллу. Леннокс и Стюарт успешно справились с этой работой. Но главным в ансамбле, вероятно, является диск «Сегодня вечером будь самим собой», вышедший в 1985 году. Стрость к социалистической упаковке и экстремистской уходит на второй план, уступая экзальтированной раскованности. Упреков критики в отсутствии вкуса больше не было.

Леннокс не разделяет свою музыку и свое бытие. «Ведь «Юритимкс» — это не профессия, а часть моей жизни», — говорит она. И, быть может, поэтому так часто в ее песнях слышится столь исповедальные нотки, а в композициях возникают женские портреты — пусть по-прежнему немного гротесковые, но похожие на саму Анни, как, например, на последний пластинке «Дискары».

И все же, думается, свою лучшую песню Анни еще не написала и не спела. Как она говорит, «я мечтаю сочинить песню о самой себе и выразить все мои чувства... Я бы хотела писать такие песни, как «Каждый твой вздох» Стинга».

Альбом «Сегодня вечером будь самим собой», «Месье» и «Дискары», большие турне и частые выступления на сценных концертах, например, посвященном Нельсону Манделе на стадионе Уэмбли, прочно закрепили за дуэтом место среди лидеров британской рок-музыки.

Михаилу Шемкину дано понимание того, что быть художником — огромная ответственность, что его мысли, чувства, поступки, рождающие художественные произведения, аликут на общую духовную атмосферу в мире, на уровень нравственности. В связи с выставкой в Москве, которая состоялась через 18 лет после того, как художник, не достигший еще и 30 лет, был вынужден покинуть Родину, мы узнали о его жизни.

Он — председатель Международного комитета за освобождение советских военнопленных, получавших плен в Афганистане, издатель произведений Владимира Высоцкого; русский, живущий за пределами страны, именуя где и кому нужна помощь, и начал энергично действовать. Многим из нас сегодня стыдно, что мы молчали, когда больших художников выдворяли из страны, стыдно за тех, кто подписывал наветы, стыдно за себя — знали, что творят с этими талантами, но не защитили их.

Выставка произведений Михаила Шемкина, созданных в 1972—1989 годах, поможет нам понять, что происходило в душе художника все эти долгие годы.

Искусство Шемкина как бы открывает нам простор для диалога с самым разным уровнем мировой культуры. Что такое живое общение с подлинником? Это возможность влести искусство старых мастеров в свое духовное бытие. В работах Шемкина мы чувствуем, какую жизненную силу дадут ему при любых испытаниях и невзгодах Рабле и Филона, Блок и малые голландцы, ренессансные портретицы и Рембрандт. Имена, стили, казалось бы, несовместимые. Более того,

ВОЗВРАТ

Шемкин предстает живописцем и графиком, скульптором, иллюстратором и плакатистом. В каждой работе ощущается, как за тем, что легло на полотно или бумагу, — буря переживаний. Но все как бы за скобками. Чем глубже вглядываешься, тем глубже понимаешь, что всем руководит одно стремление — примирить контрасты, найти разрешение драматизму, пережить, вынести страшные открытия о нашем времени.

Вот натюрморты «Вялый порт», «Туша», «Сыр», «Натюрморт с лимонами». Они огромны. Это не мелочи, не часть человеческого мира, как в полотнах голландцев, но то, что осталось, дошло до нас из давнего мира, где предмет, интервью давали возможность ощутить разницу в мире гармонии.

Никита КРИВЦОВ

Фото А. ЛИДОВА

Акварель
Натюрморт с лимонами
Жар-птица
Балетница
Голубиная сирень

Художник не идет на открытый контакт со зрителем. Отточность пластика, выверенная линия, холодный серый тон — все говорит о том, что автор предстает в своеобразной броне. И все же Шемякин устанавливает связи между поколениями, утверждает: пока нам не безразлично, как жили и что чувствовали люди до нас, — не все потеряно в нашем страшном мире.

Надо пройти свой путь, обрести опыт духовной жизни, чтобы открылась красота, сдержанность и строгость произведений Шемякина. Тогда и приходит очищение, понимание той горькой иронии, которой окрашена ностальгия художника по прошлому. Здесь, конечно, не только личные переживания. Ему открылась наша оторванность от мировой культуры и, несмотря на разрыв связей, неистребимая тяга к ней.

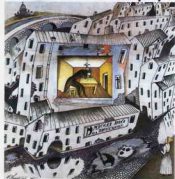
Шемякин предстает как человек самозащитной — кажется, сама жизнь научила его ответственности и строгости в отношении с людьми, умение не сливаться с толпой. Его произведения нужно не только видеть — им нужно сопереживать, как в театре, переиссякая в мир фантазмагорий и таинственных превращений, которые являет неистощимая фантазия художника.

Искусство пластики помогло Шемякину открыть в себе актера, найти свою роль печального Пьеро, который все понимает, но бессилен в одиночку победить зло. Вероятно, обидчивость чувств художника и привела его к грозидению новой расстановки сил в современном мире. Тем сильнее его желание и способность идти по той узкой тропе, которую он сам себе проложил. Но именно эта тропа и ведет его к цели.

Восстанавливая связи с прошлым, мы обретаем силы жить, мы понимаем себя, ощущаем, что не они — кто-то из истории, но мы сами прикасаемся к предметам, участвуем в фантазмагорических представлениях, которыми облекается наша повседневность в искусстве художника. И вновь оживает концепция жизни как театра, где действуют не конкретные люди, но типы. Шемякину присущ этот дар видеть общее в единичном, открывая те силы, которые руководят грандиозным представлением истории человечества. Сам режиссер при этом всегда держит дистанцию, оберегая суверенность своего внутреннего мира, обретая способность не потерять себя. Это особенно актуально для нас сегодня, когда требуются стойкость, мужество, умение распознать зло и не утратить веры в идеал.

Евгения ГОРЧАКОВА

ЕНИЕ ИЗ ОДИНОЧЕСТВА

Марек Мадарска (ПНР)
Игорь Смирнов (СССР)

«ОЗОН-88»

Ильф и Петров утверждали, что мировой центр шахматной мысли — в Васьках. Габровцы убеждены, что это каждый день отмечает первая апреля. Гости и жители Софии по-своему рассмотрели проблему «Озон-88». Здесь, в выставочном зале «Отчетов», состоялась международная выставка карикатуры «Озон-88».

Агентство «София-пресс» и Болгарский комитет по охране окружающей среды обратились к художникам разных стран с призывом в защиту природы. Поступило более двухсот тысяч рисунков, причем больше ста от советских карикатуристов.

«Гран-при» будет вручен советскому художнику Игорю Смирнову (20-дневный отдых в Болгарии). Терапевтические награды (15-дневный отдых в Болгарии) получили Гариф Басиров (СССР) и Марек Мадарска (Польша). Специальный приз будет вручен карикатуристу из Австрии — Густаву Паульту Йеронимузу.

— Я принял участие в выставке не случайно, — сказал Игорь Смирнов. — Если задуматься над тем, что мы делаем с природой, становится не по себе. Оружие карикатуры здесь может сказать свое веское слово. Болгария ты или яхтен, русский или вышедший — все мы живем на одной планете, пьем одну воду и дышим одним воздухом.

Луцезар БОНЕВ,
корреспондент агентства
«София-пресс»

Бонкадар Георгиева (ПНР)
Иван Давков (ВНР)

6 (303) июня 1989 г.
14 лет основания 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛлюСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ
ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1989 г.

На первой странице
иллюстрация — фото
Т. Шахвердиева

Звуковые страницы
заготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиозаписи
и звукозаписи.

Сдано в набор
14.04.89.

Подп. л. № 24.04.89.

Формат 84 × 108½.

Бумага офсетная.

Усл. печат. л. 1,68.

Усл. изд.-отт. 6,30.

Тираж 270 000 экз.

Зах. 484

Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
113328, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».

☎ Телефон редакции:
241-67-67.

Ордена Ленина
и ордена
Октябрьской
Революции
издательница
ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Главный редактор
Б. М. ХЕССИН
Редакционная
коллегия
Е. С. ВЕЛИТОВС,
Е. М. ВИНЮКОВ,
М. А. ЗАХАРОВ,
С. П. КАЛЦИ,
А. Г. ЛУДИЧ,
О. П. МЕЛЬНИКОВА,
Р. В. ПАУЛС,
Т. С. ПЛАСИВА,
Ю. М. ПОЛЮКОВ,
М. М. РОЩИН,
Л. В. ТЕРЕХОВА,
А. Я. ЗИПАН.
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

■ Еще 2—3 года назад журнал заглаживался на прилавках киосков, а сейчас его, бывает, динка с отечески сыщешь. Приходится, что называется, караулить. С интересом и горечью читаю материалы, освещающие «белые пятна» нашей истории, литературы, театра, кинематографа. И хорашо, что большинство материалов наполнено страстью и болью, будь они о наших бедях или хронической нехватке добро бы икры или крабов, а то (стыдно какой!) мыла, зубной пасты, а теперь вот и горчичников нет. А сколько тревог вызывают экологические заботы! Потрасил меня публикации «1000 лет на часах вености» и звуковая страница с музыкой С. Рахманинова. Многие материалы нашего журнала у нас в школе используются на уроках литературы, на классных часах.

А теперь об эстраде. Подробно об этом разделе писать не буду, поскольку к кому-то из эстрадных звезд я принадлежу, а кого-то не приемлю. К сожалению, не высказали восторга, как вы, наверное, рассчитывали, страниц, посвященные Алле Пугачевой. Знаете, я очень люблю, предисловие перед творчеством Марины Цветаевой. Но слышать ее стихи, положенные на музыку, по-моему, просто кощунство. Цветаева не нуждается в популяризации с эстрадных подмошток. Но это мое личное мнение. Немного о себе: мне 40 лет, учитель литературы и русского языка.

Сыров В. Н., г. Анискин.

■ С большим интересом читаю материалы, где речь идет о милой сердцу Родине, о ее непростом прошлом, трудном современном времени. Очень хочется верить в то, что наша будущая будет радостной, светлой, без вечной борьбы за нее, что человеку нужно для жизни, и уйдут навсегда в прошлое все те невзгоды, которые с лихвой выпали многим поколениям советских людей.

В развешивании этой мысли вот что хочу сказать. К сожалению, слово Родина многим понимается как-то очень узко. Кто-то ограничивает ее собственным деревом, городом, республикой. Уверен, что с таким отношением к своему делу далеко в перспективе мы не увидим Родину — это наш общий дом, вся страна, вся наша Земля. В этом направлении надо воспитывать подрастающее поколение. Время не терпит, потому что у чести людей, особенно у молодежи, высвечиваются такие блестящие человеческие качества, как чувство ответственности, общего единения, долга, чести, порядочности. Хотелось бы на страницах «Кругозора» больше видеть материалов, рассказывающих о людях, способных своим личным примером защищать те позитивные моменты в перестройке, которые уже вошли в нашу жизнь.

С. Г., юрист, г. Харьков.

ПОБЕДИТЕЛИ «САН-РЕМО-89»

Песни Давидо Мадуро «Идет дождь» стала символом 39-го фестиваля в Сан-Ремо не случайно. Победительница 1989 года, она до сих пор одна из самых популярных мелодий в Италии и за рубежом. Пожалуй, nostalgia по тем временам, когда само название «Сан-Ремо» производило любителям песни чуть ли не с придыханием, чувствуется достаточно сильно. Многие задаются вопросом: а через 30 лет какой-нибудь песня, прозвучавшая сегодня, сможет претендовать на роль символа Сан-Ремо? Вопрос риторический. Сейчас в Италии много говорят о том, что общий уровень фестивалей необходимо поднимать. Впрочем, это больше относится к будущему.

Нынешний фестиваль отличался от всех предыдущих прежде всего по составу и количеству участников. Впервые они были разделены на три группы. Первая — это «Чемпионы», 24 исполнителя, которые составили мощную команду в борьбе за главный приз фестиваля. Вторая группа — «Молодые таланты». В нее вошли певцы, которые уже приобрели известность в Италии — их было 8. И наконец, группа номер 3 — «Новички», 16 человек.

Победители в Сан-Ремо определял телезритель. Приобретаются специальные карточки с именами всех участников и желанием голоса. Всякий, кто желает внести свой вклад в определение победителя, отмечает в карточке фамилию певца, который понравился больше других. Правда, еще до начала выступления ясно, кто может претендовать на престижные места в турнирной таблице, а кто выходит на сцену «Амбасадор», чтобы себя показать и других посмотреть.

Стало традицией довольно критическое восприятие итальянской прессы песенной продукции Сан-Ремо. На мой взгляд было больше обычного. Я не считаю, что песенный фестиваль по своему уровню ничем не проиграл. Слово роль, вероятно, сыграло то, что в главном конкурсе стало 24 вместо традиционных 16 песен. А вот число заволашеванных произведений по-прежнему не очень велико, а стало быть, средний уровень в целом возрос. Хочу напомнить, что фестиваль итальянской эстрадной песни в Сан-Ремо — это конкурс не артистов, а песен.

Но вернемся к молодым. Победительницей в группе «Новички» стала двадцатилетняя Даниэла Миллетта. А в группе «Молодые таланты» первое место с большим преимуществом заняла 24-летняя

Продолжение на 4-й обложке

ВАС ЖДЕТ ИНТЕРЕС- НАЯ РАБОТА

РЕКЛАМА «КРУТБОРА»

Внимание молодежи! Если вы поступите на работу в дважды орденоносный трест «Крутборга», то получите возможность социализма, то получите возможность интересно работать и проживать во многих городах Союза и в зарубежных странах. Те, кто трудится в тресте, получают от треста рублей и выше, а высококлассные специалисты — до тысячи рублей в месяц. В тресте есть вакантные места монтажников технологического оборудования и сварщиков. Если у вас нет этих специальностей, то вас обучат и за полгода. Обучение будет продолжаться и по окончании курсов — в процессе работы. Экспедиты для тех, кто будет направляться за границу, принимаются из Итали-фицированные специалисты из Италии. Мастера треста работают в Омск участвовали в строительстве и мощных предприятий в Венгрии и Бразилии, Югославии и Финляндии, на Кубе и в Египте, в других странах. Сейчас трест налаживает деловые контакты с известными фирмами Италии, Франции и ФРГ. Тем, кто решит поступить в трест на работу, за справками обращайтесь в управление треста:

102600, г. Череповец, Волгоградская обл., Северная шоссе, 63, усадьба механизации.

390605, г. Липецк, ул. 9 мая, 19, СМУ треста «Коссецинмонтаж».

454038, г. Челябинск, ул. Хлобушевская, 426, СМУ треста «Коссецинмонтаж».

455002, г. Магнитогорск, Челябинская обл., ул. Кировая, 66, СМУ треста «Коссецинмонтаж».

622006, г. Нижний Тагил, Свердловская обл., СМУ треста «Коссецинмонтаж».

472362, г. Троицк, Карагандинская обл., СМУ треста «Коссецинмонтаж».

654031, г. Новокузнецк, Кемеровская обл., СМУ треста «Коссецинмонтаж».

650005, г. Кемерово, ул. Крайневская, 3-а, СМУ треста «Коссецинмонтаж».

РЕКЛАМА «КРУТБОРА»

РЕКЛАМА «КРУТБОРА»

«Пиллянка Паола Турчи. Она участвует в фестивале Сан-Ремо в 4-й раз, но пока все еще только среди подрастающей молодежи. Спричастности ради стоит заметить, что специалисты и знатоки считают, что Паола давно вышла за эти границы и по уровню мастерства заслуживает участия в группе «Чемпионы»».

В обязательной Турчи прекрасно сочетаются лиричность и гражданственность. Ее песни «Я вырасту-посвящена детям мира, смеющимся и голодающим, играющим и погибающим под пулями, весельем и уже научившимся ненавидеть».

Итак, в двух группах из трех — среди «Новичков» и «Молодых талантов» — победили представительницы прекрасной половины человечества, и в их мини-матче с мужичками они вступят 2:0. Забегая вперед, скажу, что общий счет будет в их пользу 3:1. Почему 4 цифры, хотя категории 3? Об этом чуть позже. Пришел момент представить

«Сан-Ремо-89». Третью ступеньку поднялась в конкурсе «Чемпионы» заняли Аль Бано и Ромина Пауэр. Вердикт более чем миллион телезрителей и на сей раз был для них положительным. Правда, многие обозреватели отметили некоторый разрыв между легкой, непритязательной мелодией их песни и ее содержанием — речь в ней идет об экологии, о стремлении видеть землю чистой и цветущей.

О втором призере «Сан-Ремо» можно говорить, наверное, нет необходимости. Как и Аль Бано с Роминой Пауэр он неоднократно участвовал в прошлых фестивалях и побеждал. Если судить по почте, которую получает корпункт Гостелерадио в Риме, у него масса поклонников и поклонниц в Советском Союзе. Он один из тех, кто отстаивает принципы итальянской песенной традиции.

Это Тото Кутуньо.

КАМЕОНЫ
ИСТРАНЫ

ПОБЕДИТЕЛИ
«САН-РЕМО-89»

У него сложные отношения с критиками и коллегами по искусству. Во многом из-за того, что он и в творческих взлетах и редких неудачах остается самим собой — автором, для которого любая импортная примесь неприемлема. На мой вопрос, что его тревожит в тенденциях песенного искусства, он ответил: «Проникновению в Италию звонянского музыкального наркотика».

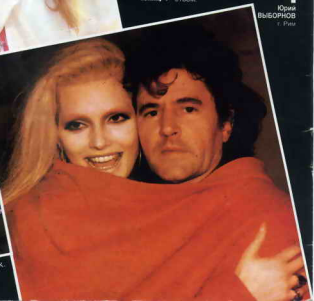
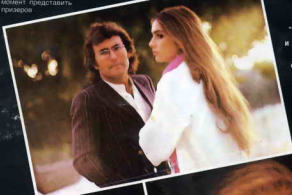
Значит, что за ходом фестиваля, продолжавшегося 5 дней и транслировавшегося по телевидению, следили 17—18 миллионов итальянцев, а в последний день — едва ли не рекордная аудитория — 21 миллион. Так что в этом плане явный успех «Сан-Ремо-89». А если говорить о качестве продукции, которую крупнейшие звукозаписывающие фирмы предлагают на музыкальный мировой рынок? Организаторы фестиваля дипломатично называли его «переходным». Если иметь в виду переход в будущем к более высокому уровню произведений, то с ними надо согласиться.

Итак, победители — необычный дуэт — Анна Окса и Фаусто Леали. До этого они больших высот не достигали. Их успех многим предсказывался заранее — хорошие исполнители, хорошая песня. Несмотря на то, что неожиданным оказался результат голосования телезрителей — Окса и Леали было отдано свыше 5 миллионов голосов. Если выражаться языком боксеров, то победили они за явным преимуществом.

Юрий
ВЫБОРНОВ
г. Рим

12

На двадцатем
звучании
справки
вы услышите
победителей
конкурса
«Чемпионы» —
Аль Бано
и Ромину Пауэр,
Тото Кутуньо,
Анну Оксу и
Фаусто Леали.
Они поют
песни
«Дорогая
моя земля»,
«Мама»
и «Я тебя
покину».

Цена 1 р. 50 к.